

- формирование группы социальных работников и повышение их квалификации для организации работы с осужденными несовершеннолетними и др.

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ИТУ В 1920-Х ГГ. В СИБИРИ

Уйманов В.Н., кандидат исторических наук

Получив в результате государственного переворота власть, большевики уже с первых дней были озабочены вопросами её сохранения. В условиях сложной внешнеэкономической ситуации и глубочайшего экономического кризиса в стране, на фоне начинавшейся Гражданской войны, создание советской системы исправительно-трудовых учреждений проходило, во многом опираясь на постулат подавления классовых врагов. При этом учитывался фактор необходимости проявления «революционного насилия» и к отдельным представителям трудящихся масс, поведение которых и образ жизни не соответствовали идеалам социалистического общества. И если основоположники марксизма вели речь о полном уничтожении органов подавления человека, в том числе и тюрем, то победившие большевики вели речь уже о замене действовавшей буржуазной машины с необходимостью организации органов принуждения, но с качественно новым содержанием их деятельности.

Большевистские теоретики права полагали, что уничтожение всего «старого», отжившего позволит им избавиться от него, изжить уголовную преступность. Среди свободных граждан нового государства могли быть только отдельные неустойчивые элементы, вставшие на преступный путь. Но их следовало не наказывать, а исправлять методами трудового перевоспитания.

С другой стороны, начиная ломку старой государственной машины, большевики не были готовы найти замену её механизмам, даже теоретически. Существовавшая тюремная система не была исключением. По причине отсутствия материальных и людских ресурсов пришлось

практически без изменений использовать старую систему исполнения наказаний. Так, ещё несколько лет выборочно продолжали действовать прежние нормативные акты, регламентировавшие содержание заключённых под стражей.

Поскольку эти акты не могли удовлетворять большевистское руководство страны, в отдельных регионах местная власть вырабатывала свои инструкции, учитывая местные особенности и складывающуюся оперативную обстановку. Например, в Сибири действовали Инструкция Омского губернского революционного комитета по содержанию в тюрьме (1918 г.) и Временные правила внутреннего распорядка мест заключения Томской губернии (1920 г.)¹.

В Сибири в период первого «прихода» Советской власти работой мест заключения продолжало руководить созданное в стране после Февральской революции Главное управление местами заключения. Но уже в январе 1918 г. начали свою деятельность революционные трибуналы и местные суды в Красноярске, Омске, Томске и Иркутске. В марте-апреле 1918 г. во всех губернских городах Сибири были созданы органы ВЧК на местах. В тюрьмы Советами и Военно-революционными комитетами назначались комиссары для контроля за деятельностью тюремной администрации.

Тюрьмы подчинялись местным Советам, единая система управления отсутствовала. Действовавшая в Западной Сибири Тюремная инспекция была упразднена, вместо неё была образована Коллегия по управлению местами заключения. Хозяйственной деятельностью тюрем управлял тюремный комитет, вопросы в котором решались только коллегиально.

В апреле 1918 г. при Омском областном совнаркомом был образован тюремный отдел. 14 мая 1918 г. на расширенном заседании облсовнаркома был утверждён состав совета, регулирующего деятельность домов

¹ Кузьмина А.С. Становление исправительно-трудовых учреждений в Сибири (1917 – 1924 гг.): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1972. С.3; Маланкин А. Тяжёлые годы и большие надежды. Институт содержания под стражей в России в 1917 – 1924 гг. // Преступление и наказание, 2007. № 4. С.64.

заклучения, и подготовленный тюремным отделом проект Инструкции по содержанию заключённых в тюрьме.

Уездные Советы также пытались коллегиально решать организационные вопросы тюремного дела. Например, Петропавловский уездный исполком Омской губернии на своём заседании 13 февраля 1918 г. обсуждал вопрос о назначении комиссара в тюрьму. Исполком также принял постановление о необходимости переименования тюремного комитета в уездный попечительский совет и оставлении его в прежнем составе, дополнив представителями от уездного совета народного хозяйства и от уездной милиции¹.

Начатая работа по реорганизации мест заключения была прервана в связи со свержением Советской власти в Сибири и вновь была начата в конце 1919 г. сразу после освобождения от колчаковщины. Так, 23 сентября 1919 г. был создан отдел юстиции (Сибюст) Сибревкома, а затем карательный подраздел, ведающий системой мест заключения в Сибири.

Все места лишения свободы на освобождаемых территориях Сибири по постановлению Сибревкома от 7 октября 1919 г. переводились в ведение местных (губернских) отделов юстиции. Но ситуация в них была очень сложной. В докладе Сибюста в июне 1920 г. прямо отмечалось: «Карательное дело идёт плохо... Тюрьмы, переименованные теперь в дома лишения свободы и дома принудительных работ, по существу остаются прежними тюрьмами царского и колчаковского периода, то с суровым режимом, то с распушенностью и заключёнными и наблюдательского персонала. Советской власти они перешли в наследство ... в совершенно разрушенном и всюду загаженном состоянии. Поэтому главные усилия здесь в течение всего истекшего времени затрачивались и затрачиваются до сих пор на приведение их в порядок и в сколько-нибудь санитарное состояние. ... Эпидемические заболевания в домах лишения свободы не исчезают и самые условия

¹ Кузьмина А.С. Становление исправительно-трудовых учреждений в Сибири (1917 – 1924 гг.). Учебное пособие. Омск, 1989. С.13-14.

заклучения (не хватает нар, постельных принадлежностей...) не поддаются сколько-нибудь коренному улучшению»¹.

Состав заключённых в местах лишения свободы достаточно чётко отражал картину классово-политической борьбы. Отчёты губкаротделов Сибири за 1920 г. свидетельствовали о том, что наибольшее число заключённых составляли осуждённые за контрреволюционную деятельность. Так, в 9 домах лишения свободы Омской губернии на 1 сентября 1920 г. число таких заключённых составляло почти половину от их общего числа².

Основной проблемой этого периода стало значительное число «следственных» заключённых. В Омской губернии таковых насчитывалось две трети, в Алтайской губернии на 1 августа 1920 г. – три четверти, в Иркутской губернской тюрьме из среднесуточного числа свыше двух третей также составляли «следственные», в Красноярской – более половины³. В этом не было ничего удивительного: победители вершили судьбы своих врагов и оппонентов, арестовывая всех, кто имел или мог иметь отношение к «бывшим» - царским, колчаковским и прочим противникам, задерживая всякого, кому Советская власть не была «люба». Такое количество «следственных» часто приводило к тому, что они неделями и месяцами сидели в камерах без допросов. Например, начальник Томского отдела Государственной охраны Департамента милиции (структура, выполнявшая функции органов политического сыска колчаковского правительства – В.У.) генерал С.А.Романов, фигура явно не рядовая, добровольно явился в следственную комиссию 5 января 1920 г., а первый раз был допрошен только 29 января⁴. Учитывая его бывшее служебное положение, этого не должно было произойти по определению – явный «противник и враг».

Были и «курьёзные» случаи. Так, в Каинском доме принудительных работ помощник заведующего карательным отделом, в ноябре 1920 г. во

¹ Доклад по отделу юстиции Сибревкома от 28 июня 1920 г. № 1021// Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р – 467. Оп. 1. Д. 44. Л. 14.

² Кузьмина А.С. Указ. соч. С.36.

³ Там же. С.37.

⁴ Архив УФСБ РФ по Томской области. Д. П – 11729.

время обхода обратил внимание на заключённую Введенскую, содержащуюся под стражей 11 месяцев, будучи арестованной Реввоенсоветом 5-й армии по обвинению в укрывательстве мужа, «ныне по ее словам уже умершего». Её дело, якобы, находилось в Каинском Политбюро, а затем было передано в Новониколаевскую Чека, но нигде, судя по переписке в деле, обнаружено не было¹.

Подобное положение дел сохранялось на протяжении многих лет. Так, в Центре документации новейшей истории Томской области в фонде Томского губкома РКП(б) хранится интересный документ, подготовленный в августе 1921 г. председателем Томской губчека Подгайским, в котором он затрагивал вопрос о «следственных» заключённых. Подгайский писал: «По списку, запрошенному от зав. домпринработ, в одном только из них содержалось под следствием 410 человек, из коих 280 не были ни разу допрошены (здесь и далее выделено мною – В.У.). При посещении тюрьмы можно было видеть 60-летних неграмотных или малограмотных крестьян, сидящих за контрреволюцию, которые по всем признакам не могли быть сознательными контрреволюционерами. Количество арестованных наводило на мысль, что должно быть посажено несколько контрреволюционных организаций, на самом же деле оказалось, что на многих уже нет никаких дел, ибо таковые были утеряны, или же сидели по несколько месяцев за разные маловажные преступления, дела по коим подлежали разбору народного суда. Большинство арестованных сидело под следствием даже с 1920 г. и первых чисел 1921 г...»².

И в последующие годы подобная ситуация сохранялась практически повсеместно. Так, например, начальником Западно-Сибирского краевого административного управления в ноябре 1930 г. был издан приказ, в котором были приведены многочисленные факты и примеры нарушений содержания под стражей заключённых. Среди этих нарушений был зафиксирован факт

¹ Рапорт заведующему Томским губернским карательным отделом // ГАНО, Ф. Р – 804. Оп. 1. Д. 12. Л. 17.

² Выводы из доклада о положении дел в Томгубчека [на 24 августа 1921 г.] // Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф.1. Оп.1. Д.1. Л.87.

содержания под стражей по линии уголовного розыска лиц с июня месяца, а «мер со стороны уголовного розыска к скорейшему продвижению дел и перечислению их за другими органами не предпринималось». На устранение этого «недостатка» давалось всего десять дней¹.

В положении со следственными не было ничего удивительного, так как чекистские и милицейские кадры в абсолютном большинстве не имели какой-либо правовой подготовки, не могли квалифицированно оценивать действия подследственных. А этого и не требовалось, так как основными критериями оценки совершенного «преступления» были «политическая целесообразность» и «политическое самосознание» доморожденных следователей.

Проводимая государством политика по перевоспитанию преступников способствовала распространению в Сибири отличных в организационном плане исправительно-трудовых учреждений, в частности общих мест заключения (новое «социалистическое» название тюрем – В.У.). Со второй половины 1920 г. они стали именоваться домами лишения свободы, домами принудительных работ или просто местами заключения, с 1922 г. – исправительно-трудовыми домами. К числу исправительно-трудовых учреждений относились и трудовые сельскохозяйственные колонии. К концу 1921 г. в Сибири было создано 6 таких колоний². Эта форма была признана одной из наиболее «удачных находок» в деле реализации советской карательной доктрины.

Но в Сибири эта форма не получила достаточного распространения по причине особого состава заключённых. Здесь в 1921 г. число осужденных за контрреволюционные преступления составляло 39,2% от общего числа заключённых, в то время как по РСФСР этот процент составлял 12,1%. Сказывались последствия Гражданской войны. В целом состав заключённых

¹ Приказ начальника ЗСКАУ № 7/с от 22 ноября 1930 г. по обследованию Томской трудколони и Дома заключения // Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р – 1040. Оп. 1. Д. 4. Л. 52-53.

² Кузьмина А.С. Указ. соч. С.42.

на 1921 г. в Сибири был сходен приблизительно с тем, что был характерен для Центральной России 1919 года¹.

Поэтому в силу сложившейся ситуации распространение получили лагеря принудительного работ. В течение 1921-1922 гг. подотделом принудительных работ Сибревкома совместно с губернскими ЧК эти лагеря были созданы во всех губернских и некоторых уездных городах Сибири.

По сложившейся практике в первые годы Советской власти наказание в лагерях отбывало преимущественно местное население. Но в отдельных случаях для отбытия наказания осужденные этапировались из других мест. Так произошло, в частности, и с участниками Тамбовского восстания. С лета 1921 г. участники восстания и члены их семей ссылались в Сибирь. Например, в Новосибирском лагере принудработ находилось 401 человек, на которых не имелось никаких документов, кроме регистрационных карточек, из которых не было видно ни составов преступления, ни сроков наказания, ни органа, вынесшего приговор. По этой причине комиссия по применению Октябрьской амнистии (1921 г.) приняла решения обратиться в Тамбовский Губюст о применении амнистии на месте, либо выслать необходимый материал².

В Томский лагерь было этапировано 176 «тамбовцев», информация о них фигурировала в переписке между губкомом РКП(б) и губисполкомом. Последнему, вменялось создание фильтровочной комиссии в лагере. Но предписание с этим указанием по каким-то причинам до исполкома не дошло. А к моменту получения нового в лагере оставалось всего 25 «тамбовцев». Один из них был осужден на 5 лет, один – на 4 года, четверо – на полтора года, 9 – до ликвидации бандитизма, у десяти срок наказания указан не был. Ранее 84 человека из числа сосланных умерли от болезней, 4

¹ Там же. С.46.

² Отчёт о деятельности Новониколаевской губернской комиссии по применению Октябрьской амнистии [ноябрь-декабрь 1921 г.] // ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д.39. Л.26.

– бежало, а 63 были освобождены по причине пересмотра дел и по согласованию с Томским отделом ГПУ¹.

На 17 июня 1922 г. в местах заключения Томской губернии и в ссылке числилось около 250 «тамбовцев». В связи с проводимой в стране весной – летом 1922 г. кампанией по амнистии участников антисоветских мятежей «тройка» фильтровочной комиссии Новониколаевска 14 апреля 1922 г. на своём заседании рассмотрела заявления 20 ссыльных жителей Тамбовской губернии с просьбой о получении разрешения на выезд на родину. Комиссия, учитывая пролетарское происхождение обратившихся и их политическую безграмотность, приняла решение о целесообразности обращения в ПП ГПУ по Сибири с ходатайством о разрешении им выезда. К июлю 1922 г. из числа находившихся в Томской губернии «антоновцев» не были амнистированы только 23 человека, 17 из них срок наказания был сокращён до одного - двух лет².

К 1924 г. в Сибири существовали почти все виды мест лишения свободы, которые были закреплены в Исправительно-трудовом кодексе РСФСР: дома заключения, исправительно-трудовые дома, трудовые колонии и изоляторы специального назначения. Исключение составляли переходные исправительно-трудовые дома. Исправительно-трудовые дома считались основным видом мест лишения свободы. Под изоляторы специального назначения были преобразованы Иркутская, Александровская и Красноярская тюрьмы, а в остальных губерниях крупные дома лишения свободы были преобразованы в «комбинированные» учреждения, включавшие в себя одновременно изолятор, дома исправительно-трудовой и предварительного заключения с разделением всех осужденных по корпусам и камерам.

В 1924 г. на территории Сибири функционировали:

¹ Ответ Томского губисполкома на запрос губкома РКП(б) об отбывающих наказание «тамбовцах» от 23 июня 1922 г. // ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп.1. Д.78. Л.194. По данным на 6 апреля 1922 г. в лагере числились 74 «тамбовца» согласно «Списку заключённых Томского лагеря принудительных работ, осужденных за восстание и бандитизм в Тамбовской губернии» // Там же. Д.56. Л. 225-226.

² Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920 – 1930 –е годы). Новосибирск, 2004. С.238.

а) в Томской губернии 8 мест заключения (дом заключения и исправтруддом в Томске, в Томском уезде - трудовой дом для несовершеннолетних и две сельскохозяйственные колонии (Еловская и Заварзинская), а также дома заключения в Мариинске, Щегловске и Кузнецке)¹;

б) в Омской губернии 7 мест заключения (дома лишения свободы в Омске, Таре и Тюкалинске, дома предварительного заключения в Татарске, Калачинске и Славгороде, а также Омская трудовая сельскохозяйственная колония)²;

в) в Алтайской губернии 2 места заключения (дома заключения в Барнауле и Бийске)³;

г) в Новониколаевской губернии 7 мест заключения (2 исправительно-трудовых дома в Новониколаевске, по одному - в Каинске, Камне, Каргате и Черепанове, сельскохозяйственная заимка «Белоглинка»)⁴;

д) в Енисейской губернии 4 места заключения (Красноярский и Минусинский исправтруддома, Канский и Ачинский дома заключения);

ж) в Ойротской области - Ойротский дом заключения⁵;

з) в Иркутской губернии 8 мест заключения (Иркутский и Александровский изоляторы специального назначения и дома заключения в Верхоленске, Черемхове, Тулуне, Зиме, Киренске и Бодайбо)⁶.

К 1925 г. Каргатский и Черепановский исправительно-трудовые дома были упразднены, но начали действовать - Рубцовский дом предварительного заключения (Алтайская губерния) и Енисейский дом заключения (Енисейская губерния).

¹ Отчёт о работе Томской губернской прокуратуры за 1-е полугодие 1924 г. // ГАНО. Ф. Р-20. Оп.3. Д.25. Л.38.

² Отчёт о работе Омской прокуратуры за 2-е полугодие 1924 г. // ГАНО. Ф. Р-20. Оп.3. Д.23. Л.103.

³ Отчёт прокурора Алтайской губернии Сухова за 1-е полугодие 1924 г. // ГАНО. Ф. Р-20. Оп.3. Д.19. Л.24-26.

⁴ Отчёт о деятельности прокурора Новониколаевской губернии за 2-е полугодие 1924 г. // ГАНО. Ф. Р-20. Оп.3. Д.22. Л.63.

⁵ Информация Сибадмтдела о местах заключения Сибири на 1925 г. // ГАНО. Ф. Р-20. Оп.3. Оп.1. Д.71. Л.53-54.

⁶ Отчёт о деятельности мест заключения Сибири за октябрь - декабрь 1925 г. // ГАНО. Ф. Р-20. Оп.3. Д.63. Л.1 об.

К моменту районирования на территории Сибири находилось 37 мест заключения с количеством 8047 штатных мест и двух арестных домов при исправительно-трудовых домах Бийска и Барнаула¹.

В докладе краевого прокурора в Сибкрайком РКП (б) «О состоянии революционной законности в Сибири» состояние мест заключения на 1925 г. характеризовалось следующим образом: «...как самое состояние их, так и условия содержания в них заключённых были таковы, что невозможность дальнейшего оставления их в таком виде было очевидной.

Все без исключения места заключения пришли в полную негодность, население их во много раз превышало норму. Отсутствие мало-мальски приличного питания, эпидемические заболевания, уносившие ежедневно десятки жизней содержащихся, невозможность применения к ним хотя бы в малейшей степени тех мер воздействия, которые были признаны Советской властью, как единственно целесообразные в деле исправления преступников - всё вместе взятое определенно говорило о необходимости принятия самых экстренных мер в этой области. Места заключения, забытые всеми, за исключением органов, ежедневно заполнявших их новыми кадрами обитателей, были представлены сами себе. Наименование «Исправительно-Трудовой Дом» оставалось только наименованием и значилось лишь на его вывеске. По существу своему исправительно-трудовой дом оставался прежней тюрьмой. Заключённые содержались в нём в тех же, если не худших, условиях. Не редки были случаи, когда содержались в нём люди совершенно незаконно. Приговорённые к принудительным работам без лишения свободы постоянно содержались под стражей.

Характерен случай, имевший место в Ново-Николаевском трудовом доме №1. Только что вступивший в должность губпрокурор при его посещении обнаружил содержащуюся там женщину, при опросе которой было установлено, что осужден и заключён в исправительно-трудовой дом её

¹ Доклад прокурора Сибири «О состоянии революционной законности в Сибири» в Сибкрайком РКП (б) (1925 г.) // ГАНО. Ф. Р-20. Оп.2. Д.19. Л.47.

муж. Она же, по разрешению начальника поселилась в местах лишения свободы вместе с ним. Муж умер, а она осталась в нём и содержится уже около года. По проверке никакого дела на неё не оказалось. Эти отдельные случаи типичны и говорят достаточно ясно о том, что состояние ИТД ненормально...»¹.

В 1925 г. вся работа по управлению местами заключения была сосредоточена в краевой инспекции мест заключения при Сибирском административном отделе. Краевая инспекция руководила «на правах первой высшей инстанции» всеми инспекциями мест заключения края. При этом она также решала вопросы по управлению местами заключения Новониколаевского округа и Ойротской автономной области. Во всех губернских городах (за исключением Иркутска) губинспекции мест заключения были реорганизованы в окружные. Иркутская губинспекция изменений не претерпела и непосредственно подчинялась краевой инспекции. Поскольку в Хакасском округе мест заключения не было, его обслуживание было возложено на Красноярскую окружную инспекцию. Окружные инспекции состояли при соответствующих окружных административных отделах, а аппарат инспекций содержался на местные средства².

Штат краевой инспекции был утверждён и укомплектован из 6 человек: инспектора, его заместителя (он же начальник отделения работ и хозяйства), начальника административно-пенитенциарного отделения, секретаря распределительной комиссии, статистика и машинистки. До 1 октября 1925 г. инспекция существовала в лице одного инспектора, занимавшегося работой организационного характера.

В ходе проведенной в ноябре 1925 г. очередной реорганизации число мест заключения сократилось до 31 при увеличении числа штатных мест на 708, всё это позволило увеличить общее число мест до 8755. При этом

¹ Отчёт о деятельности мест заключения Сибири за октябрь-декабрь 1925 г. // ГАНО. Ф. Р-20. Оп.1. Д.63-Л.2.

² Информация Сибадмтдела о местах заключения Сибири на 1925 г. // ГАНО. Ф. Р-20. Оп.1. Д.71. Л.53-54.

численность заключённых достигла на 1 января 1926 г. 15462 человек (без учёта сведений по Барабинскому, Бийскому, Ачинскому и Щегловскому местам заключения в виду их непредставления), т.е. переполнение достигало 95,3%, а в отдельных местах переполнение достигало 200 - 300%¹. Так, в Омском исправтруддome на 312 штатных мест в среднем за 2-е полугодие 1924 г. приходилось 983 заключённых, а в январе 1925 г. их было уже 1192, переполнение составило 382%². На 15 сентября 1925 г. ситуация ещё более ухудшилась – на 272 штатных местах Омского ИТД размещалось 1200 человек, т.е. переполнение на 441%³. В Барнаульском доме заключения на 400 штатных мест на 1 января 1924 г. было 900 заключённых (225%)⁴. В двух исправтруддомах Новониколаевска (550 штатных мест) на 1 октября 1924 г. состояло 1111 заключённых, а на 31 декабря уже 1341. Подобная картина складывалась в домах заключения городов Каинска и Камня⁵.

В последующие годы ситуация обострилась ещё больше. Так, на 1 января 1927 г. в Ачинском округе число заключённых превысило число штатных мест на 201%, в Барнаульском – на 308%, в Бийском – на 583% (!), в Каинском – на 307%, в Кузнецком – на 554% (!), в Минусинском – на 392%, в Рубцовском – на 482% и т.д. В целом перегруженность мест заключения составила 117,6%⁶.

На 1 июля 1927 г. ситуация по большинству округов несколько улучшилась после проведения разгрузки мест заключения. И только в Красноярском и Тулуновском округах, а также в Ойротской области произошёл рост числа заключённых. Особняком стоял Тулуновский округ –

¹ Отчёт о деятельности мест заключения Сибири за октябрь – декабрь 1925 г. // ГАНО. Ф. Р-20. Оп.1. Д.63. Л.2-4.

² Отчёт о деятельности Омской губпрокуратуры за 2-е полугодие 1924 г. // ГАНО. Ф. Р-20. Оп.3. Д.23. Л.105.

³ Протокол междуведомственного совещания по борьбе с преступностью при Омском губпрокуроре от 15 сентября 1925 г. // ГАНО. Ф. Р-20. Оп.1. Д.59. Л.17.

⁴ Отчёт прокуратуры Алтайской губернии за 1-е полугодие 1924 г. // ГАНО. Ф. Р-20. Оп.3. Д.19. Л.24-25.

⁵ Отчёт о деятельности прокуратуры Новониколаевской губернии за 2-е полугодие 1924 г. // ГАНО. Ф. Р-20. Оп.3. Д.22. Л.64.

⁶ Подсчитано автором по материалам доклада прокуратуры Сибири о результатах работы во 2-ом полугодии 1926 г. // ГАНО. Ф. Р-20. Оп.1. Д.105. Л.78.

единственный, где на 1 января 1927 г. число заключённых составляло 167 человек на 250 штатных мест, но уже к 1 июля их число выросло до 258¹.

Подобная картина была характерна практически для всех мест заключения Западной Сибири в эти годы, во всех из них были одни и те же проблемы – чрезмерное переполнение, отсутствие бытовых условий, недостаточность медицинского обслуживания,⁴ перебои с питанием. Они были просто не способны принимать тысячи «врагов» новой власти. Их строители на такое число заключённых и не рассчитывали, они и представить не могли этого.

Приведённые цифры достаточно полно характеризуют сложившуюся в местах заключения Сибири картину. Заключённые спали по сменам, посуда и инвентарь выдавались согласно числу штатных мест, предметов одежды и продуктов питания катастрофически не хватало.

В мае 1930 г. под контролем административного управления Сибкрайисполкома находились 17 домов заключения, 10 трудовых колоний и 1 исправтруддом для несовершеннолетних преступников, в которых отбывали наказание 25121 заключённый.

К октябрю 1930 г. система исправительно-трудовых учреждений в Западной Сибири приняла следующий вид:

- 8 исправительно-трудовых колоний (Ачинская, Барнаульская, Омская, Минусинская, Новосибирская, Томская, Бийская, Барабинская) с числом штатных мест на 7850 заключённых. Самыми большими были - Барнаульская, Омская и Томская, рассчитанные на 1500 мест каждая. Первые три были сельскохозяйственные, но у Омской было ещё и механическое производство, остальные фабрично-заводского типа.

- 8 домов заключения (Ачинский, Барабинский, Бийский, Барнаульский, Минусинский, Новосибирский, Омский, Томский) на 2750 штатных мест. Самыми крупными из них были - Томский (600 мест),

¹ Доклад о результатах работы прокуратуры Сибири в 1-ом полугодии 1927 г. // ГАНО. Ф. Р-20. Оп.1. Д.159. Л.112.

Новосибирский и Омский (по 500 мест). Все дома заключения с 1 октября 1930 г. переводились на самокупаемость и должны были содержаться за счёт средств производств трудколоний.

- Томская трудколлония для несовершеннолетних правонарушителей на 350 человек.

- 4 производственных предприятия в городах Камне, Рубцовске, Славгороде, Щегловске, занятых производством кирпича, извести, алебаstra и лесозаготовками. Число штатных мест было рассчитано на 1650 человек, но на эти производства помимо срочно-заключённых, поступавших из соответствующих арестных помещений и домов заключения, направлялись и приговорённые к принудительным работам, поступали из районов.

- Искитимский известковый завод на 450 человек заключённых.

Всего по Запсибкраю значилось 14 (так в тексте, видимо опечатка, т.к. число штатных мест равнялось всем вышеназванным объектам) «исправительно-трудовых единиц с общим числом штатных мест: 13050 человек, из них: исправительно-трудовые колонии и производства – 10300, дома заключения – 2750»¹. На 1 января 1931 г. в них содержались 14122 человека².

Необходимо заметить, что наряду с карательной системой НКВД с «общими местами заключения» в конце 1920-х годов начали действовать лагеря особого назначения ОГПУ, где отбывали наказание лица, осужденные на срок от 3-х до 10 лет. В 1929 г. в числе прочих был создан Сибирский ИТЛ (Сиблаг), число отбывавших наказание в котором уже в ближайшие годы превысило в несколько раз число отбывавших наказание в лагерях НКВД. Так, к 1 июля 1930 г. численность заключённых в Сиблаге достигла 24284 человек и в последующие годы только увеличивалась³.

¹ Выписка из приказа № 45 начальника Отдела мест заключения и приработ ЗСКАУ от 19 сентября 1930г. // Государственный архив Томской области (ГАТО) Ф. Р – 1040. Оп. 1. Д. 4. Л. 28.

² Солодкая Т.И. Становление уголовно-исполнительной системы на Алтае в 1917 - 1941 гг. // История становления органов внутренних дел России: взгляд из XXI века: Межвузовский сборник научных статей. – Барнаул, 2001. С. 183.

³ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923 – 1960: Справочник. М., 1998. С.392.

Таким образом, в 1920-е годы была создана Советская пенитенциарная система, но создание её сопровождалось трудностями как объективного, так и субъективного характера. На протяжении всего рассматриваемого периода приходилось решать вопросы содержания осуждённых, их трудоустройства, питания, вещевого довольствия, медицинского и культурно-воспитательного обеспечения. Сибирь не явилась исключением в этом процессе становления системы, которая уже к началу 1930-х годов превратилась в грозное орудие Сталина и его ближайшего окружения для ограничения прав и свобод неугодных режиму лиц, в механизм подавления какого-либо сопротивления со стороны населения начавшимся кардинальным переменам в стране.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РОССИИ

*Якимович Ю.К., Залуженный юрист РФ, доктор юридических наук,
профессор*

Общезвестный факт, что многочисленные изменения (а их наберётся уже несколько сотен), внесенные в УПК, качественно изменили его редакцию и сегодня это далеко не тот закон, каким он был принят. Если попробовать систематизировать эти изменения и выявить какие-либо тенденции, то обнаружится (на мой взгляд) перманентная борьба определенных групп, имеющих влияние на законодателя.

Тому можно много привести примеров. Часто вносимые в УПК изменения противоречивы уже сами по себе: когда одни нормы Федерального закона, вносящие эти изменения, противоречат другим нормам этого же закона.

Кроме того вновь вносимые изменения нередко противоречат другим, закрепленным в УПК нормам в том числе его общей части, а также основополагающим положениям других Федеральных Законов.